

Наталья Доманчук

**ВЕРНУТЬСЯ,
ЧТОБЫ
ОСТАТЬСЯ**

Наталия Доманчук

Вернуться, чтобы остаться

«Автор»

2026

Доманчук Н.

Вернуться, чтобы остаться / Н. Доманчук — «Автор», 2026

Мы уже едим, когда в зал ресторана заходит мужчина. Я не видела его семь лет, но узнаю мгновенно. Он проходит мимо нашего столика и замечает меня.— Полина? Вот это встреча! Никогда не видел тебя в платье! Я открываю рот, чтобы ответить что-нибудь колкое, но не успеваю. Катюша вмешивается и спрашивает:— Мам, он флиртует с тобой? Бабаев смеется и немного наклоняется к дочке?— А это кто у нас такая умная?— Катя, – дочь протягивает ему ладошку. – Твоя дочь, папочка!

© Доманчук Н., 2026

© Автор, 2026

Наталия Доманчук

Вернуться, чтобы остаться

Глава 1

Полина

В Москве дождь — мелкий, противный, совсем не июньский. Катюша прижимается носом к окну такси и разглядывает мокрые улицы с таким восторгом, будто мы приехали не в столицу, а как минимум на Марс.

— Мам, а это Кремль? — спрашивает она, тыча пальцем в какое-то здание с башенкой.

— Нет, это жилой дом.

— А это?

— Торговый центр.

— А Кремль когда будет?

— Завтра ходим.

Она вздыхает, будто я пообещала ей Кремль не на следующий же день, а через сто лет, и снова прилипает к стеклу. Я откидываюсь на спинку сиденья и думаю о том, какого чёрта я вообще согласилась на эту поездку.

Катюша уговаривала меня два месяца. Каждый день, без перерывов на выходные и праздники. «Мама, я ни разу не была в Москве! Мне уже шесть лет, а я не видела столицу своей родины! Это же культурная катастрофа!»

Культурная катастрофа — это она от бабушки нахваталась, которая разговаривает так, будто круглосуточно ведёт передачу на канале «Культура». Моя мать всю жизнь мечтала о дочери в кружевных платьях и балетных тапочках, а получила меня — вечно в джинсах и с гаечным ключом в руках. Катя, к её ужасу, пошла в меня, но словарный запас унаследовала бабушкин. Гремучая смесь.

Я согласилась на Москву, потому что просто устала спорить. И ещё потому, что... ладно, я могу признаться хотя бы себе. Мне хотелось увидеть его ресторан. Его — это Вовы Бабаева, моего бывшего, от которого я родила дочь.

Про ресторан мне рассказала Васька на вечеринке у меня дома два месяца назад: «Бабаев открыл ресторан-галерею! Представляешь, картины на стенах, всё как в музее, только с едой! Говорят, это заведение пользуется огромной популярностью, столик надо заказывать за неделю, иначе не попадёшь!» Она рассказала мне это после третьего бокала вина, и я тогда только отмахнулась — какое мне дело до Бабаева и его ресторанов? Вова поступил со мной по-свински и кроме дочери, о которой он не знает, у нас ничего общего нет и быть не может.

Но дочь, оказывается, это услышала! У Катюши всегда ушки на макушке и соображалка на максимуме. Мы, конечно, потом еще с девочками пообсуждали Бабаева и единогласно решили, что он — свинья.

О том, что Катя слышала наш разговор и поняла, кем ему приходится Бабаев, я узнаю позже. А пока мы едем по мокрой Москве, и я думаю о Льве, который остался в Питере и ждёт моего ответа. Лев — хороший человек. Даже очень хороший. Надёжный, спокойный, из приличной семьи. Два года он рядом, два года терпеливо ждёт, пока я решусь. Мама от него в восторге, папа одобрительно кивает, даже Кирилл из своей Австралии написал: «Сеструха, вроде, нормальный мужик, соглашайся». Все за Льва. Все, кроме Кати, которая смотрит на него как на таракана в супе — вроде и не кусается, но аппетит портит.

А да, еще Васька — моя лучшая подруга — при каждой встрече закатывает глаза и говорит: «Полинка, ну он же такой пресный! Ты с ним со скуки помрёшь!»

Такси останавливается у ресторана, Катя тут же выпрыгивает на тротуар и задирает голову, разглядывая вывеску.

— «Галерея вкуса», — читает она вслух. — Красивое название. Пойдём скорее!

Да, она уже умеет читать и да, я забронировала тут столик заранее. Не знаю зачем. Сделала и все. Давайте назовем это отвалной? Вот посмотрю на его ресторан и... соглашусь выйти за Льва.

Внутри и правда красиво. Высокие потолки, кирпичные стены, огромные окна, а на стенах — картины. Яркие, живые, какие-то очень настоящие. Москва на закате, Москва под дождём, Москва ночью — огни в окнах, как маленькие тёплые истории.

— Ух ты, — выдыхает Катя и тянет меня за руку. — Мам, смотри, как красиво!

Нас усаживают за столик у окна и приносят меню. Катя листает его с серьёзным видом, будто ей не шесть лет, а как минимум тридцать, и она каждый день обедает в таких вот местах.

— Я буду пасту с курицей, — объявляет она официанту. — И лимонад. Без газа, пожалуйста, газированное вредно для детского организма.

Официант еле сдерживает улыбку, записывает заказ и уходит. Я смотрю на дочь и думаю о том, какая она всё-таки странная. Странная и прекрасная. Моя маленькая Катюша, которая рассуждает как взрослая, ненавидит театр так же яростно, как я, и почему-то упорно хотела приехать в Москву, хотя прекрасна дожила до шести лет и никогда меня об этом не просила.

Почему именно она хотела увидеть Москву — я пойму через десять минут.

Мы уже едим, когда в зал заходит мужчина. Высокий, тёмные волосы, уверенная походка. На нём джинсы и простая рубашка, но видно, что он тут хозяин — по тому, как официанты выпрямляются, как кивают ему, как расступаются.

Я не видела этого мужчину семь лет, но узнаю мгновенно, и сердце делает что-то странное — не останавливается, нет, скорее спотыкается, как на ухабе.

Володя Бабаев. Собственной персоной.

Он проходит мимо нашего столика, потом вдруг останавливается и оборачивается. Совершенно точно сразу узнаёт меня — хотя, казалось бы, как? Я сегодня совсем не похожа на себя обычную. Никаких джинсов и маек-алкоголичек — вместо этого красное платье, которое я купила специально для этой поездки и теперь весь день чувствую себя ряженой. Мама была бы в восторге, если бы увидела: каблуки, помада, даже серьги в ушах. Настоящая леди, как она всегда мечтала. Надела всё это, сама не знаю зачем — может, хотела доказать себе, что изменилась? Что больше не та девчонка с мотоциклом, которую он бросил семь лет назад?

Глупость, конечно. Платье не меняет человека. Я всё та же Полина Завьялова, которая ненавидит театр и может разобрать движок с закрытыми глазами. Просто сегодня — в красном платье, которое давит мне под мышками и, чую, не даст хорошо поесть.

Впрочем, до “поесть” ещё надо добаться.

Володя смотрит на меня. Его брови ползут вверх, а на лице появляется то самое выражение — удивление пополам с восхищением.

— Полина? — приветствует он. — Вот это встреча! Никогда не видел тебя в платье!

Я открываю рот, чтобы ответить что-нибудь колкое, но не успеваю. Катюша вмешивается и спрашивает:

— Мам, он флиртует с тобой?

Бабаев смеется и немного наклоняется к дочке?

— А это кто у нас такая умная?

— Катя, — дочь протягивает ему ладошку. — Твоя дочь, папочка!

Володя замирает. Я вообще столбенею, и даже официант у соседнего столика на три секунды останавливается с тарелкой в руках.

— Чт-то? — выдавливает Володя.

— Мам, ты что, правда думала, я совсем дурочка и не узнаю, кто мой папа? — Катя смотрит на меня снисходительно, как на глупого ребёнка. — Владимир Викторович Бабаев, тысяча девятьсот девяностого года рождения, владеет тремя ресторанами в Москве, любит

отдыхать на Бали, в прошлом году ездил в Австралию. Я подписана на твой аккаунт, между прочим! Па-поч-ка!

— Где подписана?! — мой голос звучит как-то сдавленно, я практически пишу. — Я разрешаю тебе планшет, чтобы смотреть мультики!

— Мультики скучные, — пожимает плечами Катюша. — А папина страничка интересная. Он красиво фотографирует еду.

Володя переводит взгляд с неё на меня, и в его глазах такой шок, что в другой ситуации я бы, наверное, рассмеялась, но сейчас мне не до смеха.

Глава 2

Володя

Шестилетняя девочка с хитрющими глазами только что назвала меня папочкой, и я стою посреди собственного ресторана как идиот, не в силах выдать ни слова. Официанты делают вид, что ничего не происходит, но я вижу, как они переглядываются — завтра вся Москва будет знать, что у Бабаева объявилась внебрачная дочь.

Нужно срочно уводить их отсюда.

— Пойдёмте ко мне в кабинет, — прошу я, и голос звучит почти нормально, хотя внутри всё переворачивается. — Там поговорим спокойно.

— А мороженое? — тут же спрашивает Катя. — Мы ещё десерт не ели.

— Тебе принесут в кабинет. Любое, какое захочешь.

— Фисташковое, — она поднимает вверх указательный палец, — три шарика, без сиропа, но с тёртым шоколадом сверху. И вишенку, если есть. Консервированную, не свежую, свежие слишком кислые.

Я моргаю, пытаюсь переварить этот заказ. Шесть лет, а разговаривает так, будто каждый день даёт интервью для гастрономического журнала.

— Будет тебе фисташковое, — обещаю я и смотрю на Полину. — Пойдём?

Она встаёт из-за стола с таким выражением лица, будто идёт на казнь, но молча берёт Катю за руку и следует за мной. Мы проходим через зал, и я чувствую спиной взгляды всех присутствующих — персонала, гостей. Даже картины на стенах, кажется, теперь смотрят осуждающе.

Кабинет у меня небольшой, но уютный — кожаный диван, письменный стол, панорамное окно с видом на внутренний дворик. Катя немедленно забирается на диван с ногами, оглядывается по сторонам и выносит вердикт:

— Ничего так. Стильненько. Хотя я бы добавила фиалок, а то совсем официально.

— Учту, — отвечаю я на полном серьёзе и ловлю себя на мысли, что разговариваю с шестилетним ребёнком как с бизнес-партнёром.

Полина садится рядом с дочерью, скрещивает руки на груди и смотрит на меня взглядом, от которого хочется провалиться сквозь землю. Семь лет назад она смотрела на меня совсем иначе.

— Итак, — начинаю я, присаживаясь в кресло напротив. — Полина, ты могла бы...

— Нет, — перебивает она. — Я не «могла бы». Ты сам сказал, что не создан для семьи. Уехал и не вернулся. Что я должна была делать — бегать за тобой по всей Москве с тестом на беременность?

— Ты могла хотя бы позвонить!

— Я звонила. Целую неделю. Ты не брал трубку.

Крыть нечем. Действительно не брал. Думал, что так будет лучше для всех — чистый разрыв, никаких соплей и выяснений отношений.

— Так, — вмешивается Катя, — а вы можете ругаться потом, без меня? Предлагаю сейчас поговорить о важном.

— О чём? — спрашиваем мы с Полиной одновременно.

— О том, где мы будем праздновать день рождения в этом году. Потому что если у меня теперь есть крутой папа, то, полагаю, праздник должен соответствовать.

Полина закрывает лицо руками и бормочет что-то невнятное. Мне кажется, она сказала «господи, за что».

— А ещё, — продолжает Катя, — хотелось бы обсудить вопрос карманных денег. Мама даёт мне сто рублей в день, и это, мягко говоря, не соответствует обстановке. Я что, цен не вижу?

— Катерина! — Полина опускает руки, и её щёки пылают. — Мы не за этим сюда пришли!

— А зачем? — искренне удивляется дочь. — Я думала, мы приехали познакомиться с папой и... обсудить условия. Ругаться можно и потом, и через год, а это – дело важное.

Я не выдерживаю и начинаю смеяться. Просто не могу удержаться — эта девочка говорит как маленький юрист, который ведёт переговоры по слиянию корпораций.

— Что я сказала смешного? — Катя смотрит на меня с достоинством. — Я задаю вполне разумные вопросы.

Во взгляде читается – не то что вы, взрослые. Действительно, какая теперь разница, кто что делал семь лет назад!

— Ничего, — отвечаю я, вытирая глаза. — Просто ты очень... своеобразная.

— Знаю. Бабушка говорит, что я её наказание за грехи молодости. Хотя какие у бабушки грехи, непонятно. Она же ба-а-абушка.

В дверь стучат, и появляется официант с подносом — три шарика фисташкового мороженого, тёртый шоколад, консервированная вишенка сверху. Всё услышал и запомнил. Катя принимает вазочку с видом королевы, которой подали утренний кофе, благодарит и принимается за еду, аккуратно держа маленькую ложечку.

— Откуда она такая? — тихо спрашиваю я у Полины.

— Понятия не имею, — так же тихо отвечает та. — Явно не в меня. Я в её возрасте ела руками и дралась с мальчишками во дворе.

— Это гены бабушки, — вставляет Катя, не отрываясь от мороженого. — Она — искусствовед, если ты не знал. Очень культурный человек. Правда, она хотела, чтобы мама была балериной, но из этого ничего не вышло, потому что мама уронила контрабас на ногу учителю.

— Это было один раз! — возмущается Полина.

— Но ногу он сломал.

— Не сломал, а вывихнул!

— Мама, это детали. Суть в том, что балерины из тебя не получилось, и бабушка до сих пор страдает.

Я слушаю этот диалог и понимаю, что пропустил очень много. Целую жизнь пропустил — эту девочку, которая спорит с матерью голосом нотариуса, этот странный мир, в котором есть контрабас, сломанные ноги и бабушка-искусствовед.

— Катя, — прошу я, когда она доедает последний шарик, — можешь дать нам с мамой поговорить наедине? Минут пятнадцать.

— Могу, — соглашается она. — Но мне нужен доступ к вай-фаю и ещё один шарик мороженого. Ванильный на этот раз.

— Договорились.

— И пожалуйста, без криков! Я не люблю, когда кричат.

— Постараемся.

Она слезает с дивана, одёргивает платице и выходит из кабинета с достоинством маленькой принцессы. Дверь за ней закрывается, и мы с Полиной остаёмся одни.

Тишина давит на уши. Полина смотрит в окно, я смотрю на неё, и семь лет молчания висят между нами, как стена.

— Она удивительная, — говорю я, наконец.

— Знаю.

— Почему ты не сказала мне, Полина?

Она медленно поворачивается, и в её глазах столько всего — злость, боль и, увы, усталость.

— Потому что ты сам сказал, что не хочешь ничего серьёзного. Потому что уехал и не вернулся. Потому что не отвечал на звонки. А я не собиралась унижаться и умолять тебя быть отцом ребёнку, который тебе не нужен.

— Откуда ты знаешь, что не нужен?

— Ты, по-моему, дал это понять предельно ясно.

Она права, и это больше всего. Я действительно дал это понять — своим молчанием, своим бегством, своим трусливым решением не брать трубку, потому что так проще.

— Я был идиотом, — говорю я.

— Был? — она приподнимает бровь. — Тут точно прошедшее время нужно?

— Полина...

— Нет, Вова. Ты не можешь просто появиться через семь лет, сказать «я был идиотом», и ждать, что всё станет хорошо. У Кати есть жизнь, у меня есть жизнь. Ты туда не вписывался шесть лет и прекрасно не впишешься ещё столько же.

— Но теперь я знаю, что она есть. И я хочу быть её отцом.

— С чего вдруг? — её голос звенит от сдерживаемой злости. — Потому что она нашла тебя в соцсетях? Если бы не это, ты бы так и жил своей весёлой жизнью, менял женщин как перчатки и катался по Бали. Мы просто приехали посмотреть Москву, это всё.

— Но она нашла. И я узнал. И теперь всё изменилось.

— Для тебя — может быть. Для меня — ничего не изменилось. Мне надо возвращаться в Питер, там работа, у Кати садик, а у меня... — она запинаясь, и я вижу, что она до странного не хочет говорить то, что собирается сказать.

— Что у тебя?

— Жених, — выдавливает она. — Вернее, мужчина, который ждёт моего ответа.

Мужчина у нее! Который ждёт её ответа. Это не должно меня касаться, прошло семь лет, я сам её бросил, но почему-то внутри что-то неприятно сжимается.

— То есть ты выходишь замуж?

— Скорей всего, да.

Повисает пауза, и где-то за дверью слышно, как Катя разговаривает с официантом, объясняя ему разницу между ванильным мороженым и пломбиром.

— Полина, — говорю я тихо. — Я не прошу тебя простить меня. Не прошу дать мне второй шанс. Я только прошу позволить мне узнать дочь и быть частью её жизни. Хотя бы немного.

Она молчит долго, целую вечность. Потом говорит:

— Мы в Москве до воскресенья. У тебя три дня. Можешь попробовать и понять, действительно ли тебе это нужно.

— Спасибо.

— Не благодари. Я делаю это для Кати, не для тебя. Она хотела найти отца — она его нашла. Теперь посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Она встаёт и идёт к двери. На пороге оборачивается и добавляет:

— И если ты её разочаруешь — я тебя убью. Это не метафора.

Дверь закрывается, и я остаюсь один в кабинете, глядя на пустую тарелку из-под мороженого.

Итак, всего три дня, чтобы доказать, что я могу быть отцом, и лучше мне не облажаться.

Глава 3

Полина

Мы едем в отель на такси. Катюша сидит рядом со мной и смотрит в окно с таким невинным видом, будто не она полчаса назад устроила мне самый большой сюрприз в жизни. Я несколько раз открываю рот, чтобы что-то сказать, но слова застревают в горле.

Только когда мы заходим в номер и дочь скидывает туфельки, я, наконец, обретаю дар речи.

— Катерина, — начинаю я тем самым голосом, который обычно использует мама, когда хочет сказать что-то очень серьезное. — Ты можешь объяснить, что это было?

— Знакомство с папой, — невозмутимо отвечает дочь, забираясь на кровать с ногами. — По-моему, всё прошло неплохо.

— Неплохо?! Ты назвала его папочкой посреди ресторана!

— А кем я должна была его назвать? Дядей Вовой? Это было бы странно, учитывая, что он мой биологический отец.

Я сажусь на край кровати и пытаюсь собрать мысли в кучу. Это сложно, потому что мысли разбегаются.

— Катя, — говорю я уже спокойнее, — как ты вообще узнала? Я никогда не говорила тебе его имя.

— Надо контролировать свои разговоры с подружками, — дочь смотрит на меня с искренним удивлением. — Два месяца назад к тебе приходили тётя Вася и её подружки. Вы пили вино и громко разговаривали на кухне, а я — ну, якобы сидела в детской.

— Якобы?

— Ну да. Я стояла за дверью и все слышала. Это называется сбор информации. Очень полезный навык, как говорит наша бабуля.

Я закрываю глаза и вспоминаю тот вечер. Васька пришла с девчонками, мы открыли бутылку, потом вторую, разговор зашёл о мужчинах, и кто-то — кажется, Ленка — спросил: «А как там твой Бабаев поживает?» И Васька, которая уже была изрядно навеселе, начала кричать: «Бабаев! Бабаев! Он же ресторан открыл с картинами! Полинка, ты видела?» А я отмахнулась и сказала, что мне нет дела до Бабаева, что он свинья и пусть катится со своими ресторанами куда подальше. Потом мы обсудили, что все равно отец с него никакой, и поэтому я ему так и не сообщила, что беременна.

— И ты запомнила фамилию? — спрашиваю я обречённо.

— Конечно. Бабаев — это же легко. Как конфеты, только с другой буквой. Потом я нашла его в интернете. Он есть в Википедии даже! Так что я посмотрела фотографии и сразу поняла, что это он.

— Как поняла?

— Мам, ну у нас же с ним глаза одинаковые. И нос. И ещё вот эта штука, — она показывает на подбородок, — ямочка. У тебя нет, у бабушки нет, у дедушки нет. А у него есть и у меня есть. Элементарная генетика.

Дочь права. У Кати действительно Вовины глаза — тёмные, с хитринкой. И ямочка на подбородке, которая появляется, когда она улыбается. Я старалась не замечать этого шесть лет, но теперь, после сегодняшней встречи, сходство кажется очевидным.

— И поэтому ты уговорила меня поехать в Москву, — продолжаю я. — Два месяца ныла про столицу, про культурную катастрофу...

— Ну надо же было как-то тебя вытащить, — Катя пожимает плечами. — Ты бы сама никогда не поехала. А мне нужно было его увидеть.

— Зачем?

— Потому что у всех в садике есть какие-нибудь папы, — говорит она тихо, и в её голосе впервые за весь вечер слышится что-то детское, уязвимое. — У Маши есть папа. У Сони приходит по воскресеньям. Даже у Димки, хотя его отец живёт в другом городе. А у меня — только фотографии в интернете и твое «потом расскажу».

У меня сжимается сердце. Я знала, что этот разговор когда-нибудь случится, но надеялась, что не так скоро. Что у меня будет время подготовиться, придумать правильные слова. А вместо этого моя шестилетняя дочь сама нашла отца и организовала встречу, потому что я упустила момент.

Да ладно, к чему прикрываться словами — я была слишком трусливой, чтобы сделать это за неё.

— Катюш, — я обнимаю её и прижимаю к себе. — Прости меня. Я должна была...

— Да все нормально, — она обнимает меня в ответ. — Ты хорошая мама. Просто иногда... ну, немножко упрямая.

Она ставит пальчики рядом, мол, чуть-чуть. Это выглядит совершенно умилительно.

— Это у нас семейное.

— Знаю. Бабушка говорит, что мы с тобой — две упёртые козы.

Мы сидим так несколько минут, обнявшись, и я думаю о том, какая Катя всё-таки взрослая для своих шести лет. Слишком взрослая. Может, потому что росла без отца и привыкла всё решать сама? Или потому что моя мама с её искусствоведческими речами повлияла больше, чем я думала?

— Мам, — говорит Катя мне в плечо, — а он хороший?

— Кто?

— Папа. Ну, в смысле, Владимир Викторович Бабаев. Он хороший человек?

Я думаю о Вове — о том, каким он был семь лет назад, и о том, каким я увидела его сегодня. Тогда он был весёлым, безответственным, легкомысленным. Сейчас — кажется, повзрослел. В глазах появилось что-то новое, какая-то глубина, которой раньше не было.

— Не знаю, — отвечаю я честно. — Когда-то я думала, что да. Потом решила, что нет. А теперь... теперь ни в чем не уверена.

— Но ты дала ему три дня, — напоминает Катя. — Значит, веришь, что он может быть хорошим?

Надо бы посмотреть на неё строго, но у меня уже ничего не выходит.

— Ты опять всё слышала? Я дала ему три дня, потому что ты этого хотела.

— Неправда, — она отстраняется и смотрит на меня серьёзно. — Ты дала ему три дня, потому что сама хотела это проверить. А то просто сказала бы «нет» и увезла меня домой в Питер.

Иногда мне кажется, что моя дочь читает мысли. Или просто слишком хорошо меня знает.

— Ладно, — я встаю и потягиваюсь. — Тебе пора спать. Завтра у нас насыщенный день.

— Мы увидим Кремль?

— Увидим.

— И папу?

— Да.

Катя ложится под одеяло, и я выключаю верхний свет, оставив только маленький ночник на тумбочке. Она закрывает глаза, но я знаю, что не спит — слишком взволнована после сегодняшних событий.

Выхожу на балкон и достаю телефон. Мне нужно с кем-то поговорить, и я знаю, с кем именно.

Васька берёт трубку после второго гудка.

— Поинка! Как Москва? Видела Красную площадь?

— Вась, — говорю я, — это ты виновата.

— В чём? — она искренне удивляется.

— В том, что на той вечеринке орала на весь дом «Бабаев, Бабаев». Катя услышала, нашла его в интернете и сегодня назвала папочкой прямо посреди ресторана.

Несколько секунд в трубке единовластно царит тишина, а потом Васька начинает хохотать — громко, заливисто, так, что мне приходится отодвинуть телефон от уха.

— Это не смешно! — шиплю я.

— Это очень смешно! — возражает она сквозь смех. — Катька — гений! Моя крестница — просто гений! Подожди, то есть вы реально встретились с Бабаевым?

— Реально. Он подошёл к нашему столику, а Катя выдала: «О, папочка!»

Васька снова смеётся, и я невольно улыбаюсь, потому что со стороны это, наверное, действительно выглядит комично.

— И что он? — спрашивает она, отсмеявшись.

— Был в шоке. Отвёл нас в кабинет, заказал Кате мороженое, мы поговорили. А потом он сказал, что хочет быть частью её жизни.

Это я, к своему удивлению, выговариваю даже без вздоха.

— А ты?

— А я дала ему три дня, чтобы доказать, что он серьёзно.

— Полинка, — голос Васьки становится серьёзным, — это же хорошо. Катька, наконец, узнает отца, ты перестанешь тащить всё одна...

— У меня есть Лев, — напоминаю я.

— Ой, прекрати, — она фыркает. — Лев — это не мужчина, это ходячий театральный абонемент. Ты с ним со скуки погрёшь на третий год брака.

— Он хороший человек.

— Хороший, кто спорит. Но ты его не любишь. А Бабаева любила. Может, ещё любишь, откуда я знаю.

— Не люблю, — говорю я слишком быстро.

— Ага, конечно. Именно поэтому ты потащила в его ресторан в платье.

— Откуда ты знаешь про платье?!

— Полина, я знаю тебя двадцать лет. Ты надеваешь платья только в двух случаях — на похороны и когда хочешь произвести впечатление. Похорон, вроде, не намечалось.

Я молчу, потому что крыть нечем. Васька права — я надела это дурацкое платье, потому что хотела, чтобы он увидел, какой я стала. Сильной, уверенной, успешной. Чтобы пожалел, что бросил меня тогда.

— Ладно, — говорю я. — Мне пора. Завтра тяжёлый день.

— Удачи, Полинка. И передай Катьке, что она умничка. Я ею горжусь.

— Она и сама знает. Но я передам.

Я отключаюсь и ещё несколько минут стою на балконе, глядя на ночную Москву. Где-то там, в этом огромном городе, Вова Бабаев сейчас наверняка тоже не спит и думает о том, что у него есть дочь.

А я думаю о том, что моя жизнь, которая только-только начала складываться в понятную картинку — Лев, свадьба, стабильность — снова рассыпалась на кусочки.

И самое страшное, что часть меня этому даже рада.

Глава 4

Володя

Ночь я провожу в обнимку с бутылкой виски, которую зову Марго — она француженка, неплохо выдержанная и единственная женщина, которая никогда меня не разочаровывала. К трём часам ночи Марго уже ничего не может мне дать, а сон так и не приходит, потому что в

голове крутится одна и та же мысль: у меня есть дочь. Дочь, которая называет меня папочкой и смотрит глазами, в которых я узнаю свои собственные.

К утру я выгляжу как зомби из плохого фильма ужасов, и даже Генрих — мой кофейный аппарат, верный друг и соратник — не может меня спасти. Генрих старается, выдаёт двойной эспрессо идеальной крепости, но на мешки под глазами это вообще не действует.

Телефон взрывается в восемь утра. Сначала сообщение от Андрея: «Срочно приезжай к родителям. Я уже выехал! Мама в истерике».

Потом звонок от мамы: «Владимир! У меня есть внучка?!»

Откуда она узнала? Хотя чего я удивляюсь — у мамы везде свои люди. Официанты, повара, администраторы — половина ресторанного бизнеса Москвы докладывает ей обо всём интересном. Сплетни расходятся быстрее, чем заказы на кухне.

Через час я стою на пороге родительской квартиры, и мама открывает дверь с таким выражением лица, будто я украл фамильное серебро и продал его на барахолке за бутылку.

— Проходи, — говорит Ирина Александровна ледяным тоном. — Нам есть что обсудить.

В гостиной уже сидит Андрей с Тосей, и по их лицам я понимаю, что они в курсе. Андрей еле сдерживает улыбку, Тося смотрит с сочувствием. Отец расположился в своём любимом кресле и выглядит, скорее, заинтригованным, чем рассерженным.

— Итак, — мама садится напротив меня и скрещивает руки на груди, — расскажи нам, пожалуйста, откуда у тебя взялась дочь, о которой мы узнаём, прости меня господа, от официанта Серёжи.

— Серёжа — предатель, — бормочу я.

— Серёжа — ответственный сотрудник, который понимает, что такие новости не скрывают от семьи, — парирует мама. — В отличие от некоторых.

Андрей откашливается и говорит:

— Вовка, я всегда, конечно, знал, что ты ходок, но чтобы настолько... Поздравляю, братец. Ты превзошёл сам себя.

— Андрей! — Тося толкает его локтем.

— Что? Я просто констатирую факт. Наш Володенька, который всю жизнь бегал от обязательств, оказывается, уже много лет как отец. Это надо отметить!

— Ничего не надо отмечать, — огрызаюсь я. — Я сам узнал вчера.

— Ах, вот как? — мама приподнимает бровь.

И я рассказываю. Всё — про Полину семь лет назад, про то, как сбежал, про вчерашнюю встречу в ресторане, про Катю, которая нашла меня в соцсетях и вчера прямо в зале назвала папочкой. Пока говорю, мамино лицо проходит через все стадии — от гнева к удивлению, от удивления к умилению, от умиления к новому приступу гнева.

— То есть ты бросил беременную женщину, — подводит итог она, когда я заканчиваю. — Владимир, я тебя не так воспитывала!

— Я же не знал, что она беременна!

— Потому что сбежал и не отвечал на звонки!

Крыть нечем. Мама права. Она всегда права, и это ужасно раздражает.

— Ирочка, — вмешивается отец, — дай мальчику вздохнуть. Он и сам понимает, что был неправ. Правда, сын?

— Правда, — соглашаюсь я. — Я был идиотом.

— Был? — Андрей снова усмехается.

— Да иди ты!

— Мальчики! — мама повышает голос. — Не ругайтесь! Сейчас не время для ссор. Сейчас время для решений. Владимир, что ты собираешься делать?

— Ну, дела обстоят так, что у меня есть три дня, — совершенно серьёзно сообщаю я. — Полина согласилась дать мне шанс познакомиться с Катей. Сегодня я должен провести с ней день.

— С Полиной?

— С Катей. Дочерью.

— Моей внучкой, — поправляет мама, и в её голосе появляется что-то новое. — У меня есть шестилетняя девочка, о которой я не знала. Владимир, я хочу её видеть.

— Мам, не сейчас. Сначала мне нужно...

— Немедленно! — перебивает она. — Приведи её сюда. Я хочу познакомиться с внучкой.

— Ирина Александровна, — мягко вмешивается Тося, — может, не стоит торопиться? Девочка ведь только вчера узнала отца. Если сразу обрушить на ребёнка всю семью, она может испугаться.

Мама смотрит на Тосю, потом на меня, потом вздыхает.

— Хорошо, сегодня проведи время с ней и подготовь ее. Но завтра — завтра я хочу её видеть. И эту Полину тоже, пока они не уехали. Мне нужно понять, что за женщина родила мне внуку.

— Мам, ну она не тебе родила...

— Не спорь с матерью!

Отец поднимается из кресла и подходит ко мне. Кладёт руку на плечо и говорит тихо, так, чтобы слышал только я:

— Сынок, это твой шанс. Не упusti его. Такие вещи случаются раз в жизни.

— Да это... Я знаю, пап.

— И купи цветы. Женщины любят цветы.

— Уже сказали, — я невольно улыбаюсь. — Белые пионы. Катя проинструктировала.

Отец смеётся и хлопает меня по спине.

— Умная девочка. В нашу породу.

Через два часа я стою у входа в отель, где остановились Полина с Катей. В руках — букет белых пионов, в кармане — план на день, в голове — полный хаос.

Телефон вибрирует. Голосовое сообщение в соцсети от дочери: «Папочка, я вижу тебя с балкона. Пионы красивые. Мама говорит, что ты подлиза, но я думаю, что это хорошее качество. Спускаемся через пять минут».

Улыбаюсь и смотрю вверх, пытаюсь угадать, какое окно их. На третьем этаже мелькает маленькая рука — это Катя машет мне.

У меня есть пять минут, чтобы собраться с духом и не облажаться.

Марго, Генрих — держите за меня кулаки. Папочке предстоит самый важный экзамен в жизни.

Глава 5

Полина

Катя будёт меня в полседьмого, прыгнув на кровать, и сообщает, что нам нужно хорошо выглядеть.

— Зачем? — спрашиваю я, не открывая глаз, и пытаюсь спрятаться с головой под одеялом.

— Первое впечатление складывается в первые семь секунд, — назидательно отвечает дочь и тянет на себя одеяло. — Бабушка так говорила, когда к нам в садик пришел новый мальчик. Я тебе о нем рассказывала.

— Глеб? — уточняю я и нехотя открываю глаза.

— Да. Я вот испортила первое впечатление, — дочь закатывает глаза. — И Глеб влюбился в Машу.

— Катя, я не думаю, что ты испортила первое впечатление, но это уже и не важно - оно было вчера.

— Вчера было знакомство. Сегодня — первый совместный день. Это другое.

Пока я героически соображаю, как возразить шестилетнему философу в семь утра, Катя уже открывает мой чемоданчик в виде панды и деловито в нём копается.

— Я не про себя беспокоюсь! Я хочу, чтобы ты выглядела на все сто! — она продолжает рыться в моих вещах.

— Опять платье? — спрашиваю я мрачно.

— Нет, — она извлекает белые джинсы и голубую рубашку. — Вот это давай. Красиво, и под твои голубые глазки. А то вчера ты была как будто не ты, мам. А зачем нам не ты?

Не поспоришь.

Вова ждёт у входа — с пионами, в джинсах, и видно, что почти не спал. Но держится. Улыбка у него такая, что я внутренне отмечаю: да, харизма точно никуда не делась за семь лет. Кажется, даже подросла. И чем он её кормит?

— Доброе утро, — говорит он и протягивает мне цветы, потом наклоняется к Кате: — Готова к Кремлю?

— Я готова, — отвечает дочь серьёзно. — Но сначала хочу предупредить, что предпочитаю экскурсии с историей, а не просто «смотрите, как красиво!». Меня интересует всё!

Вова моргает. Я прячу улыбку за букетом.

— Договорились, — соглашается он так спокойно, будто каждый день обсуждает исторический контекст с шестилетними дамами. — Всё — так всё!

Кремль Катю впечатляет, хотя она, конечно, не показывает этого сразу. Ходит с видом эксперта, задаёт вопросы, которые заставляют экскурсовода несколько раз переспросить и с чем-то там свериться. Вова не отстаёт — отвечает, дополняет, и я с удивлением замечаю, что он и правда знает историю. Не поверхностно, а по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.